

I

Ветер лениво трепал сигнальный фал. Я оглядел город. На удивление мирный. Хотя с крыши девятиэтажного небоскреба не разглядишь человеческих муравьев, которые прячутся и охотятся на улицах. Не услышишь криков тех, кого избивают, мольбы о пощаде, не услышишь, как щелкает курок. Зато слышно выстрелы. Рев одинокого мотоцикла. И теперь в темноте видно пожары.

Разумеется, отсюда, сверху, большинство из них кажутся крохотными. Подоженные автомобили, будто уютные фонарики, озаряют улицы, где настоящие фонари давно прекратили свое существование.

Внизу послышалась пулеметная очередь, впрочем непродолжительная. Они молодые, однако усвоили, когда полагается остановиться, чтобы оружие не нагрелось. А еще усвоили, что требуется для выживания в такую эпоху. Или, точнее говоря, чтобы прожить чуть дольше того, кому нужно то же, что и тебе: еда, оружие, жилье, бензин, одежда, наркота, женщина или несколько, чтобы обеспечить будущее мужским генам. Там внизу — не

побрезгуем клише — джунгли. И джунгли эти все ближе, даже не день ото дня, а час от часу. Готов поспорить, что здание, на крыше которого мы стоим, еще до рассвета превратится в часть джунглей.

Отсюда, сверху, вывозят тех, у кого есть возможность свалить. Элиту, богатейших из богатых, тех, кому хватило бабла на билет. Я стоял и разглядывал их, последнюю группу из четырнадцати человек: они нетерпеливо поглядывали туда, откуда прилетит военный вертолет, курсирующий между городом и авианосцем «Новые рубежи». Корабль этот способен вместить три с половиной тысячи пассажиров, запасы провианта и лекарств и все остальное, причем хватит этого на четыре года, даже если не заходить ни в один порт. Сегодня ночью судно выйдет в море, где проведет неопределенное время. Не знаю, сколько стоят билеты, известно лишь, что женщинам полагается небольшая скидка, потому что людей каждого пола на борту должно быть одинаковое количество. Вслух об этом не говорят, но судно это — что-то вроде Ноева ковчега для элиты.

Передо мной стоит мой давнишний приятель Колин Лоув. Его жена Лайза и дочка Бет подошли чуть ближе к площадке и высматривают вертолет. Колин — один из самых богатых дельцов в стране, он владеет интернет-ресурсами и активами по всему миру, в том числе и небоскребом, на котором мы стоим. И тем не менее, если верить его собственным словам, семейству Колина хватило получаса, чтобы собрать вещи в поездку.

— Все, что вам нужно, там есть, — заверил я его.

Здесь, наверху, царит тревога, но в то же время и какое-то странное возбуждение. Вокруг вертолетной площадки и возле двери на крышу стоят вооруженные охранники, оплаченные из бюджета «Лоув инк.». Остальные охранники расположились

внизу, возле входа, и около лифтов. Их задача — остановить тех, кто попытается штурмовать здание в надежде спастись от бандитов или даже вознамерится пробраться на вертолет и дальше, на «Новые рубежи». Винить никого нельзя — ни тех, кто пытается, ни тех, кто попробует их остановить. Каждый из нас дерется за себя и за своих близких, так уж мы устроены.

Когда я к вечеру пришел к этому зданию, над улицами висел запах страха и отчаяния. Я видел, как какой-то мужчина в костюме предложил охраннику портфель, битком набитый банкнотами, однако охранник отказался. Может, из-за свидетелей вокруг, а может, боялся, что завтра деньги эти обесценятся. Следом за мужчиной к охраннику подошла женщина средних лет, показавшаяся мне знакомой. Она расправила плечи и перечислила фильмы, в которых играла.

— Мы движемся к энтропии, — сказал Колин.

— Ты же в курсе, что я таких слов не знаю, — ответил я.

— Второй закон термодинамики.

— Это мне ни о чем не говорит.

— Вы, юристы, вообще ничего не знаете?

— Знаем, как разгрести то, что инженеры нагадят.

Колин рассмеялся. Этой фразой я описал наш пятнадцатилетний симбиоз в «Лоув инк.».

— Энтропия... — начал Колин, глядя на горизонт, похожий на разрезанный силуэт на фоне солнца, готового вот-вот исчезнуть в море, — энтропия — это когда все в закрытой системе со временем разрушается. Оставь на берегу замок из песка — и на следующий же день ветер и погода его разрушат. Не заменят на что-нибудь, еще более прекрасное, а сровняют с землей. Лишат жизни, дыхания. Пре-

вратят в ничто. Это и есть энтропия, Уилл. И это самый универсальный из законов природы.

— Закон о беззаконии, — добавил я.

— Говоришь как юрист.

— Как философ. Гоббс утверждал, будто без законов, без общественного договора всех нас поглотит хаос, который будет намного хуже самой ужасной диктатуры. И по-моему, он, возможно, прав.

— Левиафан явился, — поддакнул Колин.

— Что такое «Левиафан»? — спросила незаметно подошедшая к нам дочь Колина Бет.

Ей семнадцать, она на три года моложе своего брата Брэда, который куда-то подевался. Она невероятно похожа на Эми, мою собственную дочку, но это не единственная причина, по которой на глаза у меня наворачиваются слезы, когда я вижу Бет.

— Это из истории про морское чудовище, — проговорил я, не дождавшись ответа Колина. — Оно выдуманное.

— Тогда почему он явился?

— Это образно, солнышко, — Колин притянул дочь к себе, — один философ прибег к этому образу, описывая общество без закона и порядка.

— Как это?

К нам приблизился военный в полевой форме. Колин кашлянул.

— Иди, Бет, а то мама заскучает. Я скоро подойду. Девушка послушно убежала.

— Да, лейтенант? — спросил Колин.

— Господин Лоув... — заговорил военный. У него были короткие седые волосы и рация, из которой доносились треск и взволнованный голос, словно силящийся докричаться до хозяина рации. — Мое начальство на первом этаже сообщает, что сдерживать людей все сложнее. Отдадите приказ стрелять, если?..

— Это бандиты? — перебил его Колин.

— В основном обычные люди, господин Лоув. Они надеются проникнуть на вертолет.

— Бедняги. Стреляйте только в случае крайней необходимости.

— Есть, сэр.

— Долго еще вертолета ждать?

— Пилот сообщил, что они будут здесь примерно через двадцать минут, сэр.

— Ясно. Держите нас в курсе, чтобы люди могли подняться на борт, как только вертолет приземлится.

— Есть, господин Лоув.

Лейтенант зашагал прочь, и я услышал, как он говорит в рацию:

— Вас понял, сержант, но приказано не прибегать к силе неоправданно. Ясно? Да, держите позицию и...

Голос умолк, и остался лишь шорох флагов и сирена полицейской машины внизу, на темных улицах. И Колин, и я знали, что это не полиция: уже год они не осмеливаются патрулировать улицы после наступления темноты — значит, сейчас в полицейской машине сидят четверо парней с автоматами и в меру обдолбанные, чтобы рефлексy еще сохранились, но чувство дозволенного притупилось. Хотя оно не просто притупилось, а вообще исчезло, причем не только у этих отморожков, а и у всего остального населения тоже. Выражение «противозаконные действия» утратило всякий смысл, потому что закона больше не существует.

И это, возможно, единственное оправдание тому, что я сделал.

Я по-прежнему слышал рев мотоцикла, — похоже, у них в глушителе дырка, ну или как там это называется.

Я давлЮ на газ, лечу по пустой улице через город, на юг, к бойне. Из-за дыры в глушителе мотоцикл ревет, давно пора починить. И еще надо бензина залить. Стрелка на датчике уровня топлива ткнула в красную полоску, сейчас, блин, вообще никуда не доеду. Без поддержки в центре посреди ночи делать нечего, иначе сразу поймешь, каково это, когда жертва — это ты и есть. Ну да ладно, пока бензин не кончился, пока двигатель пашет, я в этой пищевой цепочке не в самом низу. Потому что я нашел то, что искал там, на оставшемся позади холме. Выход. Дыру в стене крепости. Возможно, все жители виллы через несколько часов умрут, а может, и нет. Судить их не мне, я всего лишь вестник. Рев мотоцикла эхом отскакивает от стен офисных зданий, высоких и пустых. Если с газом переборщить, бензин весь выйдет, но чем дольше я остаюсь в центре, тем выше шансы вляпаться в дерьмо. Чего сто́ит один этот сброд возле здания Лоува — я там всего-то скорость слегка сбросил, как кто-то меня тут же попытался скинуть с мотоцикла. Люди — настоящие звери, отчаявшиеся, злые и испуганные. Вот срань-то. Что вообще случилось с этим городом, с этой большой, прекрасной страной?

II

— До вертолета восемнадцать минут! — крикнул лейтенант.

— Одна тысяча восемьдесят секунд, — сказал Колин.

В уме он всегда считал быстрее, чем я.

С того момента, как обнаружили вирус, до пандемии, охватившей и разрушившей весь мир, времени прошло всего ничего.

Люди мёрли как мухи. Сперва из-за болезни, потом из-за нужды, и со временем политические и общественные институты потерпели крах. Разумеется, жестче всего пандемия обошлась с бедными — так случается со всеми скверными штуками. Но лишь с началом продовольственного кризиса ситуация изменилась: если сперва мы как общество пытались бороться, то теперь борьба превратилась в битву имущих и неимущих за ресурсы. Сначала в этой битве участвовали бедняки и богачи, затем — бедняки и бедняки, потом — соседи всех общественных прослоек, и, наконец, врагами стали все, кроме ближайших родственников и самых близких друзей. Продовольственные магазины опустели, а со временем пустыми стали и оружейные магазины, хотя производство пистолетов и винтовок не прекращалось. Органы правопорядка, и так оказавшиеся на грани кризиса, почили в бозе. Самые богатые прятались подальше от города, забаррикадировавшись в усадьбах и крепостях, желательно где-нибудь на холме, откуда легче обороняться. Некоторые из богатейших, как, например, Колин Лоув, предвидевший катастрофу задолго до пандемии, приняли меры заранее и приобрели частную собственность и острова, способные прокормить себя и охраняемые собственной армией. Удивительно, но вирус помог им победить в борьбе с величайшей угрозой — бедными и отчаявшимися. Ведь зараза распространялась беспрепятственно там, где плотность населения больше всего, но ни страховок, ни желания соблюдать введенный властями карантин не имеется. Однако, когда пандемия со временем улеглась и стала менее страшной,

чем грабежи, между молотом и наковальней оказались уже другие. Те, кому было что терять, но недостаточно, чтобы защититься. И, потеряв все, многие из них сами стали грабить. Так началась новая пандемия. Бедность, отчаяние, насилие — они тоже заразны.

Когда эта пандемия началась, я руководил юротделом в телекоммуникационной компании Колина. Вирус пришел с востока, с другого конца страны, но сразил нас, не дав нам — большинству, крепкому среднему классу — среагировать.

Пятью годами ранее, когда Колин показал мне Крысиный остров, крошечный тюремный островок площадью десять гектаров, расположенный неподалеку от аэропорта, я задразнил его, обозвав пророком апокалипсиса вроде тех чокнутых придурков, которые готовятся к худшему, к тому, что придется остаться совсем одному. В нашей стране таких особенно много — видимо, это как-то связано с культурой свободы. Ты — кузнец своего собственного счастья, тебя никто не остановит, вот только и помогать тебе не станут.

— Это здравый смысл, — ответил тогда он на мой вопрос, не паранойя ли это, — я инженер и программист, среди нас нет истериков, считающих, будто того и гляди грянет конец света. Мы полагаемся на вероятность того, что случится нечто невероятное, совсем как в нашей работе. Одно известно наверняка: со временем случится все без исключения. Вероятность того, что общество развалится еще при моей жизни, невелика, но и не ничтожна. Если умножить эту вероятность на то, во сколько мне это обойдется в денежном эквиваленте и в соотношении с качеством жизни, мы получим сумму, которую я согласен заплатить за страховку. Эта покупка... — он обвел рукой убогий каменистый

островок с пустыми бетонными зданиями, в свое время построенными для того, чтобы держать убийц взаперти, а не на улице, — невысокая плата за то, чтобы крепче спать по ночам.

В то время я и не знал, что у него немалые запасы оружия. И что он и все остальные его друзья-директора исправили близорукость при помощи лазерной коррекции зрения не по косметическим соображениям, а потому, что найти очки или линзы, когда привычный мир рухнет, будет сложно, и потому, что в каменном веке, к которому мы приблизимся, с хорошим зрением выжить проще.

— Нет причин, по которым готовиться не стоило бы, Уилл. Если и не ради себя, то ради семьи.

Но я готов не был.

Грабежи начались вовсе не тогда, когда власти решили освободить тюрьмы, на самом деле представлявшие собой камеры смертников, где изолироваться было невозможно и свирепствовал вирус. Освобожденных преступников было недостаточно, чтобы в одиночку стать причиной хаоса. Причиной стало ощущение, которое они принесли с собой. Ощущение, будто власти того и гляди утратят силу, что закон упразднен, что вскоре придется хватать то, до чего дотянешься, пока другие не опередили тебя. Нельзя сказать, что мы не видели или не понимали происходящего. Иррациональным страхом это не назовешь. Мы знали, что главное — оставить позади эту пандемию, которая в некоторые страны уже вернулась, — и тогда мы вернемся к нашей обычной жизни. Однако мы также видели, что страх сильнее стадного чувства. Массовой истерии не было, зато чувство меры исчезло. Поэтому люди, каждый по отдельности, делали выбор, разумный и правильный лишь для себя и для своих близких, но плачевный для общества.

Некоторые стали грабителями и насильниками из-за нужды.

А некоторые — как сын Колина Брэд — потому, что им так захотелось.

Отношения у Брэда Лоува с отцом сложились непростые. Брэд был первенцем, которого Колин видел продолжателем дела всей своей жизни. Однако, чтобы справиться с такой задачей, у Брэда просто-напросто не было данных. Он не обладал ни интеллектом своего отца, ни его трудоспособностью, ему не доставало отцовской прозорливости и желания изменить мир. Не имел он и оптимизма Колина вместе со способностью заражать своим энтузиазмом других. А вот что Брэд и впрямь унаследовал сполна, так это отцовский эгоизм — порой безмерный — и склонность закрывать глаза на интересы остальных при необходимости достичь желаемого. Например, отцовские деньги шли в карман тренеру и Брэд получал место в школьной футбольной команде, а кто-то более талантливый оставался ни с чем. Или Брэд уговаривал отца отстегнуть ему денег, потому что он, мол, с друзьями запустил программу помощи малообеспеченным студентам, но впоследствии выяснялось, что деньги ушли на наркотики, телочек и экстравагантные вечеринки на съемной вилле неподалеку от университета. И только когда ректор связался с Колином и сообщил, что Брэд угрожает ему физической расправой, потому что подделал экзаменационные документы, хотя даже не явился на экзамен, — только тогда Колин забрал сына из колледжа.

Вернувшийся тем летом домой Брэд выглядел полным неудачником, и я не удержался от жалости. Наши семьи отдыхали тогда вместе в огромном двухэтажном коттедже в горах. Мы много лет скидывались на аренду, но теперь Колин просто

взял и купил этот дом. У отца с сыном не ладилось, и от этого нам, всем остальным, общаться с Брэдом было еще сложнее. Ведь Брэд тоже мальчик не бесчувственный — скорее наоборот, чувства у него зашкаливают. Своего отца он любил, восхищался им. Так оно было всегда, и в этом никто не сомневался. Даже отцовская любовь к сыну была менее очевидной. И теперь отчаяние Брэда сменялось гневом, равнодушие — злостью, направленной на любого, кто отказывался выполнять его волю, будь то родственники, наша семья или обслуживающий персонал. И в тот момент в Брэде я разглядел другого Колина. Человека, выходящего на сцену, когда у Колина не получалось убедить кого-нибудь лишь при помощи своего предательского энтузиазма и ума, опасного Колина, способного с потрохами купить маленькое конкурентное предприятие, ликвидировать его и отправить всех бывших сотрудников прямиком на биржу труда. Пару раз я разрушил планы Колина, подведя под это юридическое обоснование, и он так разозлился, что — это я точно знаю — чуть было меня не уволил. Мне это известно, потому что я с детства помню, как темнел его взгляд, когда у Колина не получалось осуществить задуманное.

Пока у него не получалось осуществить задуманное.

И по-моему, до Брэда дошло, что если не держать себя в узде и прибегать к насилию, угрозам и грубой силе, то добьешься всего, чего хочешь. Именно так он заставил братьев Винстон из соседского коттеджа поджечь старый гараж Фергюсонов. Потому что — согласно показаниям, которые братья дали позже в полиции, — не пойдут они у него на поводу, и, как сказал Брэд, он дождетя, когда они уснут, и подожжет коттедж Винстонов.

Свои сильные чувства Брэд также продемонстрировал, безнадежно пытаясь ухаживать за моей дочерью Эми. Он был влюблен в нее с раннего детства, но если обычно детская влюбленность с возрастом благополучно затухает, то у Брэда она, похоже, лишь крепла с каждой их новой летней встречей. Разумеется, этому, скорее всего, способствовала расцветающая год от года красота Эми, однако, наверное, и тот факт, что взаимности Брэд не видел, а ее неоднократные отказы только раззадоривали его. Потому что Брэд, совершенно очевидно, считал, будто имеет на нее право.

Однажды ночью меня разбудил голос Брэда. Стоя в коридоре возле комнаты Эми, Брэд требовал, чтобы моя дочь впустила его, но она, похоже, вновь его отвергла, и тогда он сказал:

— Это наш коттедж, здесь все мое, поэтому давай открывай, иначе вышвырнем вас отсюда, а папашу твоего уволят.

Колину я об этом так и не рассказал: от несчастной любви я и сам немало нелепостей натворил, и к тому же я подозревал, что Колин накажет сына излишне жестоко, показывая нам, насколько нетерпим к подобным выходкам. Поэтому последней каплей, переполнившей чашу терпения Колина, стали не угрозы в адрес Эми, а поджог гаража. После того как Брэда приговорили к условному сроку и выпустили на свободу, а мистер Фергюсон положил в карман кругленькую сумму для покрытия понесенных убытков, Колин поместил сына под домашний арест. Через два дня Брэд сел на мотоцикл, который ему подарили на восемнадцатилетие, и скрылся из города. С собой он прихватил стопку банкнот из отцовского сейфа и ключи от квартиры в Даунтауне.

Содержание

Крысиный остров. Перевод А. Наумовой	5
Макулятор. Перевод А. Наумовой	141
Цикады. Перевод Д. Гоголевой	193
Сыворотка. Перевод Д. Гоголевой	289
Черный конь. Перевод Д. Гоголевой	315